

ПЕРВЫЙ ГАМЛЕТ РОССИИ.

Мочалова любили называть романтичным актером, хотя Мочалов, как художник исключительного дарования, был столько же романтиком, сколько реалистом, и столько же классиком, сколько романтиком. "Истинно страстей, правдоподобие чувствований", говоря слова Пушкина, вот в чем была сущность дарования Мочалова.

Мочалов не имел возможности выступить в "Борисе Годунове", "Каменной госте", "Моцарте и Сальери". Драмы Пушкина были запрещены для сцены, цензура преградила великому трагику и путь к трагедиям Пушкина. Но на сцену были перенесены поэмы его любимого поэта: Мочалов выступал Керим-Гереем в "Бахчисарайском фонтане", Алёко в "Цыганах", — и потрясал здесь "истинной страстей". Стихи Пушкина звучали в устах Мочалова со всем волшебством их романтической музыки, но чувствовался в них и тот возвышенный строй Пушкинской поэзии, о котором сам поэт сказал, "что в мой жестокий век восславил я свободу".

Мочалову, как и Пушкину пришлось жить и творить действительно в "жестокий век" — крепостного права, социального неравенства — и когда ему пришлось, наконец играть роль Чацкого в комедии Грибоедова "Горе от ума" в этот образ молодого человека, горячо протестующего против темной "жестокости своего века" Мочалов внес много собственных дум и чувств, "восславляющих свободу". Чацкий — Мочалов страстно ненавидит застой жизни, тупость мысли, холодное бессердечие тех, кто господствует в обществе и распоряжается судьбами народа.

Высшие, наиболее совершенные создания Мочалова были в трагедиях Шекспира. В его репертуаре были и Гамлет, Отелло, Ромео, Ричард III, Король Лир, Кориолан.

После смерти Мочалова, Россию поразили многие европейские актеры, прославившиеся исполнением ролей Шекспира: Айра Флоридж,

Томмазо Сальвини, Эрнесто Росси, Барнаби, Поссарт, Луиза Солли; многие зрители Мочалова видели этих замечательных артистов в тех же ролях, в которых видели Мочалова, и имели возможность сделать сравнения, и всегда при этих добросовестных сравнениях, Мочалов оставался, как равный среди равных, в ряду с этими европейскими актерами, и в иных ролях, - в Гамлете и Отелло, - давал такие новые глубоко - оригинальные истолкования шекспировских ролей, глубиной и силой которых Мочалов превосходил многих европейских исполнителей.

Гамлет был вершиной творчества Мочалова, - там только, в котором с наибольшей свободой и полнотой выразился его гений.

Замечательный в замечательной статье В.Г.Белинского "Гамлет", драма Шекспира, и Мочалов в роли "Гамлета"/1837/ и в многочисленных воспоминаниях современников. Гамлет - Мочалова должно продолжать жить в сознании русских актеров и зрителей, как лучшее, наиболее верное и глубокое воплощение величайшего из Шекспировских образов.

Ли один из Гамлетов показанных в России такими актерами с мировой славой, как Айра Олдридж, Томмазо Сальвини, Росси, Барнаби, Поссарт, Луиза Солли, - не завладел собой Гамлетом Мочалова правдою живую и свежую художников русского театра, - и поэтому; многие лучшие из позднейших воплощений Гамлета русскими и советскими актерами восходят к образу, созданному Мочаловым, продолжают его художественную разработку, дополняя его новыми деталями.

"Боже мой! думали мы - восклицает В.Г.Белинский от лица всех зрителей, наваливших огромной вальсой театр на представлявших "Гамлета" с Мочаловым, - вот ходит по сцене человек, между которым и нами нет никакого посредствующего орудия, нет электрического проводника, а между тем мы испытываем на себе его влияние;

32

как какой-нибудь чародей, он томит, мучит, восторгает по своей воле нашу душу - и душа наша бессильна противостоять его магическому влиянию".

Мочалов - Гамлет - по верному утверждению Белинского - "бросил в глазах наших новый свет на это создание Шекспира". 1/

Статья Белинского и воспоминания о Мочалове других писателей и актеров дают возможность западным театральным деятелям убедиться в совершенной независимости, в действительной глубине той трактовки, которую великий русский актер дал роли, бывшей достоянием всех сколько-нибудь замечательных европейских и американских трагиков.

Мочалов в своем понимании и воссоздании Гамлета, порвал с классицистической традицией, и с сентиментально-мелодраматической прозой в построении образа Гамлета, господствовавшими в европейском театре 18-го и первой трети 19-го века, могучее влияние Гете - истолковать трагедию Гамлета, как трагедию безволия, - влияние, которому подчинилось большинство европейских исполнителей роли Гамлета в течение всего 19-го века, миновало Мочалова: его Гамлет не построен по увлекательному, но произвольному чертежу Гете, отвлекавшему актеров от подлинного образа созданного Шекспиром.

Русский актер не знавший по-английски, играл подлинного Шекспировского Гамлета, а не того печального Вертера из королевства Датского, в которого шекспировский образ превращался у актеров, следовавших за Гете.

Для русского актера, как и для самого Шекспира, Гамлет это новый человек, которому тесно в старом мире, Мочаловский Гамлет

1/ Белинский, том I, изд. Москвитина стр 648.

2/ там же.

/он же - Шекспировский/ - бурный противленец людской пошлости, подлости и властвующего варварства.

Гамлет - изобличитель короля-убийцы и королевы сообщницы, Гамлет-следователь и каратель преступлений тех, кто считает себя источником законности, раскрывался Мочаловым с предельной глубиной и с предельной же смелостью. Из описаний спектакля "Гамлета" сделанного Белинским, видно, что не одна сцена в трагедии не вызвала такого пламенного отклика зрителей, как сцена моральной казни короля /"мышеловка"/.

Гамлет Мочалова живет не только большими чувствами, но и великими мыслями: он знает часы глубокого горького раздумья, сердце и разум его преисполнен мировой скорби, горести о тесном бытии человеческом, Гамлета не миновали дни, годы печали, но и печаль его - мятежная печаль, и раздумье его таит в себе искры противления и мятежа. В Гамлете Мочалова была не только элегическая грусть "человека для которого не осталось уже желаний", - в нем, по выражению Аполлона Григорьева, ярко сверкало "энергическое негодование и презрение", он был "мстителен и горд".

Такой Гамлет был не только элегиком-сатириком настоящего, он был его бурным отрицателем, остро - ранящим врагом.

Такой Гамлет смотрел в будущее - и был близок и дорог людям этого будущего, - такой Гамлет ближе всего к замыслу Шекспира, величайшего из поэтов жизни и борьбы. Подобное истолкование и превосходное воплощение Гамлета было подлинным вкладом русского актёра в европейский театр. Мочалов творчески комментировал Шекспировскую трагедию с такой глубиной, которой явно не доставало большинству европейских художественных и ученых комментаторов великой трагедии.

Русский художественно - творческий комментарий к Шекспиру продолжали приемники Мочалова - Н.Х. Рыбаков, И.В. Самарин, А.П.

Ленский, Ф.П.Горев, М.Т.Иванов-Казельский, М.В.Дальский, Н.П.Росов
А.И.Южин, В.И.Качалов, а затем и другие советские актеры.

Исходя от мочаловского Гамлета, они, каждый своим творческим
методом, создавали образы Гамлета, уводя его далеко от гетевской
схемы безвольного несчастливца, которой следовали в большинстве
своём, европейские трагики. Гамлет активный борец с неправдой в
"Дании", пределы которой расширяются до пределов человечества;
Гамлет человеколюбец, благородный рыцарь, сражавшийся за "прек-
расную даму" - человечность; Гамлет - самоотверженный искатель
мировой правды, нужной для всего человечества, - вот варианты
русской ^дреакции Гамлета.

Но зато этот мочаловский Гамлет сходился с самым достоверным
из Гамлетов - с тем, которого написал Шекспир.

С.Дуровлин.